

ἀγγελος — «добрый посланец», но впоследствии появилось апокрифическое предисловие, где весь труд был объявлен сочинением выходца из Рима, секретаря армянского царя Трдата III (ок. 287—330) Агафангела.

Сочинение Агафангела, помимо предисловия, состоит из трех частей: происхождения и мученичества Григория, также мученичеств Гайяны и Рипсимии, «Поучения» Григория и истории распространения христианства в Армении. Критический текст памятника был издан в 1909 г. на основе многочисленных рукописей, это издание продолжает служить хорошей основой для исследований⁴.

Книга Р. В. Томсона, американского исследователя, сириолога и армениста, специалиста по патристике⁵, посвящена второй части сочинения — «Поучению» Григория Просветителя. Работа состоит из введения (стр. 1—28), перевода памятника на английский язык с примечаниями (стр. 41—82), списка армянских, греческих и сирийских источников и специальной литературы (стр. 191—197), общего указателя — именного и предметного (стр. 199—205) — и указателя основных тем «Поучения» (стр. 206—207). На европейский язык «Поучение» Григория переводится впервые.

Основное содержание памятника составляют тесно переплетенные наставление о догме, экзегеза Ветхого и Нового завета и призыв к покаянию. В предисловии и комментарии «Поучение» исследуется в первую очередь в теологическом аспекте, выясняются источники идей этого памятника, его лексика и др. Доверяя здесь полностью компетентности издателя⁶, я хотел бы остановиться на тех его выводах, которые касаются иных сторон культурно-исторического значения этого памятника. Представляя собой самостоятельное целое, «Поучение» в то же время является органической частью сочинения в редакции уже 60-х годов V в. Загадочным образом все три греческие версии опускают «Поучение». В то же время версия, изданная П. де Лагардом, сохраняет проповедь Григория Просветителя, в которой он излагает основные положения «Поучения» (§§ 252—258), а также и замечания Григория, относящиеся к этому разделу (§ 716)⁷. Охридская версия Агафангела⁸, в общем сходная с эскуриальской⁹, содержит три главы из «Поучения» (§ 652—659), две из которых перешли в арабскую версию.

«Поучение» принадлежит V в., как и «История» Агафангела. «История» преследовала цель возвеличить новый патриарший престол в Валаршанате (до этого центр религиозной жизни был на западе, в Аштишате). Сознательно подражая Корюну, автор «Истории» стремился представить Григория Просветителя как непосредственного предшественника Маштоца. Точно так же и «Поучение», которое составлено в стиле Маштоца, призвано было, полагает Томсон, придать особый авторитет сочинениям и вообще миссионерской деятельности последнего. Высказанное Н. Акиняном мнение, что автором «Поучения» был сам Маштоц, Томсон отвергает за недоказанностью. Автор «Поучения» принадлежит к той группе переводчиков, которая отправилась за рубеж изучать греческую и сирийскую науку. Плоды их литературной деятельности отмечены неким единством стиля, что явилось результатом непосредственного воздействия на них наставников — Маштоца и католикоса Саака. Автор «Поучения» безусловно владел греческим, почти наверняка сирийским (стр. 35). Он хорошо знает патристику, широко использует Кирилла Иерусалимского, Иоанна Златоуста, Василия Кесарийского (хотя и не называет свои источники). Многочисленные указания на источники и параллели придают переводу, выполненному Томсоном, особую ценность.

Работа Р. В. Томсона, в которой армянский литературный памятник изучается в его действительных связях с восточнохристианской литературой вообще, представляет безусловный интерес и по своей строгой методике, и по общим выводам.

К. Ю.

Х. П. Συμμεωνίδης. Οἱ Τζάκωνες καὶ ἡ Τζακωνία. Θεσσαλονίκη, 1972, 188 σελ.

Проблема этнической динамики населения Пелопоннеса усиленно изучалась уже с начала XIX в., особенно — когда противостояли друг другу теории Фальмерайера и Гоцфа о роли славянства в происхождении современного греческого народа и новогреческого языка. Уже тогда было обращено внимание на наименования Τζάκωνες и Τζακωνία в греческих источниках.

⁴ Об Агафангеле см. А. С. Анасян. Армянская библиология V—XVIII вв., 1. Ереван, 1959, стб. 151—213 (на арм. яз.); А. Н. Тер-Гевондян. Новая арабская редакция Агафангела (Арабский текст и исследование). Ереван, 1968 (на арм. яз., с включением арабск. текста, с русск. и франц. реюме).

⁵ См. *Athanasius. Contra Gentes and De Incarnatione*. Edited and translated by Robert W. Thomson. Oxford, 1971.

⁶ Ср. рецензию: В. Outtier. in RE Arm, VIII, 1971, p. 462—465.

⁷ P. de Lagarde. Agathangelus.—«Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen», 35, 1880, S. 1—88. Здесь и далее — разбивка на параграфы, принятая в критическом издании 1909 г.

⁸ G. Garitte. La vie grecque inédite de Saint Grégoire d'Arménie (ms. 4 d'Ochride).—«Anal. Boll.», 83, 1965, p. 233—290.

⁹ G. Garitte. Documents pour l'étude du livre d'Agathange. Vatican, 1946.

Кто такие были «цаконы», «цаконцы» или «чаконцы»? Литература о них, начиная с Дюканжа, колоссальна, причем особенно тщательно этот вопрос разбирается в последние десятилетия нашего времени. Недавно фессалоникийский византист Х. П. Симеонидис выпустил монографию, специально посвященную вопросу о цаконах и Цаконии. Он ставил своей целью рассмотреть все существующие теории и обосновать собственную, используя детальные аргументы филологического характера и пытаясь при этом доказать греческое происхождение слова *Τσακώνες*. Это слово появилось в греческой письменности только в X в. у Константина Багрянородного, уже после славянского вторжения в Пелопоннес. Казалось, естественно понимать цаконов как наименование славянского племени, поселившегося в Пелопоннесе. С этим были согласны и Фальмерайер, поборник славянского характера византийского населения, и его противник Гофф. Однако поздневизантийские источники Пахимер, Григора, Мазарис утверждают, что цаконцы — это испорченное слово лаконцы, т. е. потомки лакедемонян. Все усилия Симеонидиса направлены к тому, чтобы объяснить происхождение в греческой среде слова «цаконы». Теорию о том, что цаконцы происходят от кавконов, пеласгического племени Пелопоннеса, известного по Гомеру и Страбону, Симеонидис считает натяжкой. Такой же натяжкой он считает положение Касселя о том, что цаконцы — это извращенное наименование германцев — саксонцев, группы которых во время переселения народов обосновались в Пелопоннесе. Натяжкой считает он и происхождение слова «цаконы» от славянского «закон». Автором приводится и положение о возможности существования славянского племени «чаконцы»: ведь сербского посланника в 1948 г. звали Цаконович!

Однако в дальнейшем автор не возвращается к славянскому происхождению цаконов. В книге упомянуты гипотезы о происхождении слова «Цакония» от Сакос (город в Лаконии) и от слов военного характера *δάκος* — «оружие, щит» (откуда в дальнейшем будто бы и произошло название Саконы и цаконцы), *ζάκα* — «заграда в горном ущелье» или *τζάκος* — «панцирная рубашка». Убедительным кажется объяснение, данное в словаре Скарлата (1954), что слово «лаконцы» прямо перешло в «цаконцы», подобно тому, как древнегреческое «разбрасываю» — *λαίξω* передается в димотике — *τζαίξω*. Казалось бы, это полное подтверждение источника. Но Симеонидис отвергает такое объяснение, считая (по Адриотису), что на языке лаконцев превращение *λ* в *τζ* невозможно. Приводится также положение Деффнера о том, что не сами лаконцы, а пришедшие славяне стали называть лаконцев цаконами, что и перешло в греческий язык. Поскольку цаконцы служили в обозе, делалась попытка связать *Τσακώνες* с *Διάκωνες*.

Но и эти объяснения не принимаются Симеонидисом. Он переходит к новой исходной позиции: в Монеувасийской хронике упоминается, что цаконы жили в труднодоступных местах, *ἐν τραχίνοις τόποις*. Автор приводит гипотезу о происхождении слова «цаконы» от *ἐξω Λάκωνες*, т. е. «вне-лаконец», которые, живя в горных местностях, оказывались долгое время вне христианизации, отсюда — *Ἐωλάκωνες* — *Τσακώνες*. Однако трудно все-таки объяснить, как исчезла в слове «лаконец» буква *λ*.

Автор не придает значения данным источникам, в которых упоминаются вместе славяне милингы и цаконы («Морейская хроника», II, 168, 183). Факт наличия в Пелопоннесе славянских племен в XIII—XIV вв. в анализе не приводится. Конечно, раз Мазарис, Пахимер и Григора считают цаконов греками, мы не можем это оспаривать; тем не менее цаконцы могли быть первоначально славянским племенем, впоследствии эллинизированным. Симеонидис стремится доказать греческое происхождение слова «цаконы», исходя из законов развития греческого языка.

Во второй части своей монографии Симеонидис разрабатывает аргументацию теории о происхождении слов *Τσακώνες* — *Τσακωνία* от *τραχύς* — *Τραχωνία*, «мало-доступные места». Эта теория может быть принята. Если слово «цаконы» происходит от *τραχύς*, значит оно не является наименованием племени, народности, а просто означает «горец», «горный житель», «смелый, любящий независимость» и может быть славянского, греческого либо албанского происхождения.

Однако автор стремится сблизить горцев-трахонитов именно с *лакωναми* и опирается при этом на «Монеувасийскую хронику», в которой говорится, что после нашествия славян лаконцы частично скрылись в труднодоступных местностях, стали называться *Τραχωνίται*, а потом и *Τσακώνες* (стр. 98). Центром исследования Симеонидиса во второй главе являются его excursus в теорию развития новогреческого языка в Пелопоннесе (позднедрочического диалекта и так называемого «цаконского» языка). Автор стремится показать, что первоначально Цаконией назывались *τραχίνοι τόποι* в Кинурии (границы Лаконии и Арголиды) и что затем, в средние века, наименование «Цакония» стало распространяться вплоть до Монеувасии и мыса Малей.

Филологические изыскания Симеонидиса убедительно показывают возможности перехода *τρ* в *τσ*, *Τραχωνίται* в *Τσακώνες*. Однако автор слабо оттеняет социальное положение и историческую роль «цаконов». Следовало бы особенно отметить, что под цаконами понимаются только свободные горцы в противоположность закабаленному крестьянству Пелопоннеса, особенно после злосчастной для славян битвы под Патрами.

XIII—XV века были временем постоянных войн, когда нужно было защищать крепости, замки, клисуры. Естественно, что молодое поколение свободных горцев, не имея возможности прокормиться в труднодоступных местностях, вступало в ряды местных воинов — не стратиготов, которыми они по своей бедности быть не могли,

а в качестве наемников, живших в крепостях и сражавшихся под начальством кастрофилаков. Нужно сказать, цаконцы служили не только в греческих крепостях: в источниках они встречаются и в качестве гарнизона в сербских крепостях XIV в. (стр. 80); они использовались также в качестве полицейской силы (стр. 77). Цаконцы — отборная часть постоянного войска на жаловании, готовая служить любому хозяину крепости, замка. Мы могли бы отождествить цаконцев в социальном отношении с итальянскими кондотьерами того времени. Но, разумеется, считая себя лакедемонянами, цаконцы могли в отдельные моменты быть определенной силой в борьбе против крестоносцев и оказывать сопротивление туркам (особенно в 1262—1264 гг.). До XIII в. сведения о цаконцах в источниках связываются с понятием наемного войска, только с XIII в. цаконцев стали рассматривать как особый народ. Можно сказать, что только тогда среди горных жителей Пелопоннеса слияние разных племен привело к более или менее единому диалекту и эллинизации.

С новым этапом развития Спарты вокруг акрополя Мистры имя лакедемонян снова стало знаменем спасения империи. Так, Виссарийон советовал Константину XI в 1444 г. разбить турок, переправившись с его лакедемонянами в Малую Азию¹. Разумеется, под лакедемонянами имелись ввиду цаконцы! Мы могли бы также сказать, что и мечты Плифона в какой-то мере имели своим стимулом деятельность лаконцев-цаконцев, реальной силы возродившейся средневековой Спарты. Однако при предательстве знати лаконцам-цаконцам не удалось сохранить национального государства; только в начале XIX в. они проявили свой героизм...

Монография Симеонидаса полностью вводит нас в историю разработки проблемы цаконцев, дает представление о филологической аргументации греческого происхождения этого слова, оформляет более приемлемую теорию о цаконцах и Цаконии. Тем не менее еще не исключена возможность, что «цаконы» — это поселившиеся и эллинизированное, смешавшееся с греческим населением Пелопоннеса славянское племя «цаконцев».

М. Я. Сюзюмов.

K. Weitzmann. Catalogue of the Byzantine and Early Mediaeval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Vol. III. Ivories and Steatites. Washington, 1972, p. 108+80 plates.

Каталог изделий из слоновой кости и стеатита, изданный Куртом Вейцманом, представляет собой третий том «Каталога византийских и раннесредневековых памятников в собрании Думбартон Окса». Первые два тома были посвящены изделиям из металла, эмалям, стеклу и глиптике. Изданы в 1962 и 1965 гг., автор (М. Росс).

Подготовленный одним из крупнейших знатоков византийского искусства, каталог явился результатом более чем 35-летнего изучения К. Вейцманом слоновой кости, хранящейся в коллекции Думбартон Окса. Каталог включает 42 памятника, подразделяемых на пять групп: изделия из слоновой кости II—VI вв. с «языческими» сюжетами (№ 1—17), изделия из слоновой кости конца V—VIII вв. с христианскими мотивами и декоративные по характеру (№ 18—20, 42), византийская резная слоновая кость X—XIV вв. (№ 21—31, 40—41), изделия из слоновой кости западноевропейской работы X—XI вв. (№ 32—34), изделия из стеатита XI—XIV вв. (№ 35—39).

Коллекция Думбартон Окса сравнительно невелика и наряду с первоклассными произведениями искусства содержит (что вполне естественно для каждой коллекции) также памятники заурядного качества. Некоторые из них вызывают интерес не столько сами по себе, а скорее обстоятельностью связанных с ними исследований, проведенных автором каталога.

Каталог предваряется вводной статьей, которая представляет собой краткий очерк истории византийской резной слоновой кости. Очерк основан преимущественно на памятниках коллекции Думбартон Окса, которые рассматриваются в связи с общим ходом развития этой области художественного творчества. В соответствии с составом коллекции К. Вейцман выявляет особенности памятников II—VI вв., связанных с Египтом, а затем сосредоточивает внимание на произведениях X в.— периода расцвета искусства византийской резной кости.

Здесь автор дает тонкий и глубокий анализ существовавших в середине и второй половине X в. константинопольских школ резьбы по слоновой кости, соотнося с ними памятники из коллекции Думбартон Окса. К. Вейцман рассматривает «живописную» школу, стиль которой связан с миниатюрой македонского времени («Уверение Фомы» — № 21 и др.), проникнутую аристократизмом «школу императора Романа» («Богоматерь с Иоанном Крестителем и св. Василием» — № 26 и др.), «школу императора Никифора», склонявшуюся к непосредственной выразительности («Богоматерь Одигитрия» — № 28), «группу триптихов», памятники которой исполнены в более простой и неприязнательной манере («Успение Богоматери» — № 29 и др.). Классификация эта развертывается К. Вейцманом не впервые, но в Каталоге она опирается на подробные характеристики, содержащиеся в разделе, посвященном конкретным памятникам.

Далее автор отмечает упадок искусства резьбы по слоновой кости, наступивший в Византии в XI в., и распространение в связи с этим изделий из стеатита, характе-

¹ См. *И. П. Медведев*. Мистра. Л., 1973, стр. 38